

УДК 327.8

«МЯГКАЯ СИЛА» В КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Ковба Д. М.

младший научный сотрудник

ИФУП УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия

"SOFT POWER" IN CHINESE POLITICAL SCIENCE AND PRACTICE

Kovba D.

Junior researcher

IPI of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Yekaterinburg, Russia

АННОТАЦИЯ

в статье затрагивается проблема интерпретации концепта «мягкая сила» китайскими исследователями, анализируется воплощение «мягких» стратегий на практике. Утверждается, что особенностью китайского дискурса «мягкой силы» является акцент на культуру в противовес продвижению политических ценностей. Основными подходами к концепту являются структурный, ресурсный, двухуровневый, а также подход, отрицающий необходимость принятия концепта и утверждающий важность поиска более органичных способов увеличения государственной мощи. Практическая реализация политики «мягкой силы» в КНР идет по нескольким направлениям: развитие общественной дипломатии, интенсификация образовательных обменов, дипломатия помощи, работа с диаспорой, продвижение культуры, создание благоприятного имиджа страны и участие в международных организациях.

ABSTRACT

The article studies the problem of interpretation of soft power concept by Chinese researchers, analyzes the embodiment of soft strategies in practice. It is alleged that the peculiarity of the Chinese soft power discourse is the emphasis on culture as opposed to the promotion of political values. The main approaches to the concept are structural, resource, split-level, as well as an approach that denies the need for the concept and asserts the importance of finding a more organic way to increase the power of the state. The practical implementation of the soft power policy in China goes on several fronts: the development of public diplomacy, the intensification of educational exchanges, assistance diplomacy, working with diaspora, promotion of culture creating favorable image of the country and participate in international organizations.

Ключевые слова: «мягкая сила», КНР, международные отношения, общественная дипломатия, ресурсная дипломатия, имидж.

Key words: "soft power", PRC, international relations, public diplomacy, resource diplomacy, image.

Термин «мягкая сила» был предложен в конце XX в. американским политологом Дж. Наем. Как и многие другие политические концепты, рожденные в США и распространившиеся по миру, «мягкая сила» содержит в себе сильную нормативную составляющую. С этой точки зрения, интересно, как американская по духу теория интерпретируются китайскими исследователями и адаптируется ими под национальные нужды.

По мнению Дж. Ная, важным генератором «мягкой силы» государства является неправительственный сектор. Однако в случае КНР недостаточное присутствие НПО на международной арене, неразвитость гражданского общества побудили государство выступить основным игроком в данном вопросе. Именно государство определяет приоритетные направления стратегии «мягкой силы», спускает заказы на аналитические работы по данному вопросу, выделяет ресурсы для реализации запланированных мер.

Как пишет Лю Цзайци, основной акцент в правительственных документах, обуславливающих необходимость увеличения китайской «мягкой силы», сделан на повышение совокупной мощи страны и строительстве социализма с национальной спецификой [5, с. 150]. Другие важные задачи – формирование гармоничной культуры, создание системы социалистических ценностей, распространение национальной культуры и продвижение новаторства в культуре.

Особенностью китайского дискурса «мягкой силы» является культуросцентричный акцент в противовес продвижению привлекательной политической идеологии и политических ценностей. Как утверждает С.В. Михневич, это объясняется стремлением избежать «лобового столкновения» с США. Кроме того, на тот момент китайское руководство решило, что страна не может предложить миру ценностные и идеологические нарративы, способные составить глобальную конкуренцию американским идеям свободы и демократии [2, с. 98]. В итоге упор был сделан на культурно-исторические мотивы, представления о Золотом веке имперского Китая, общеазиатские ценности и скрытое антизападничество (представление американцев как субъектов, чужеродных региону) [3].

Бурная дискуссия в китайской академической среде относительно интерпретации и оценки концепта «мягкой силы» началась примерно в 2006–2007 гг. и продолжается до сих пор. Выделим основные подходы к исследуемой проблеме.

В рамках структурного подхода китайские исследователи создают собственные модели «мягкой силы». Например, выделяются следующие источники «мягкой силы»: 1) культурная дипломатия; 2) программы внешней помощи; 3) многосторонняя дипломатия. Данный подход подчеркивает гибкость внешней политики Китая [8].

С позиции ресурсного подхода «мягкая сила» является способностью формировать предпочтения и образы себя и других при помощи мыслительных или символических ресурсов, что приводит к изменению

поведения других [7, с. 116]. Власть становится «мягкой», когда используются нематериальные «мягкие» ресурсы, и «жесткой», когда применяются материальные ресурсы.

Двухуровневый подход (Ли и Путман) предполагает учитывать влияние, которое «мягкая сила» способна оказать на внутригосударственную систему и международные отношения. На национальном уровне группы преследуют интересы, оказывая давление на правительство для принятия подходящей политики, в то время как политики стремятся к власти, выстраивая коалиции вокруг групп. Одновременно на международном уровне национальные правительства стремятся максимизировать их собственные способности удовлетворить внутреннему давлению и минимизировать неблагоприятные последствия международных событий. В большинстве случаев, страны, склонные прибегать к националистическим идеям, чтобы получить внутреннее одобрение, не могут сохранить привлекательный образ на международном уровне [9, с. 434].

Особняком стоит подход, приверженцы которого отрицают важность концепта «мягкой силы». Так, Пан Чжуньин, директор Центра изучения глобального управления в школе международных исследований Жэньминь университета Китая, убежден, что следует искать собственные подходы для увеличения совокупной мощи государства, а не подхватывать американские идеи. Альтернативой может быть древняя китайская стратегия управления «Huaìrou» («Соглашательство»). Она означает успокоение, умиротворение, завоевание сердец иностранцев через притоки торговли. Исследователь утверждает, что «мягкая сила» была неправильно понята и принята в Китае. Если Китай сможет модернизировать концепцию «Huaìrou», то есть идею, возникшую непосредственно в Китае, он сможет играть уникальную роль в решении проблем, касающихся внешних связей государства [10].

Практическая реализация политики «мягкой силы» в Китае идет по нескольким направлениям. Основными являются продвижение культуры, создание благоприятного имиджа страны, участие в международных

организациях, развитие общественной дипломатии, в том числе, интенсификация образовательных обменов, дипломатия помощи, работа с диаспорой.

На государственном уровне ядром «мягкой силы» КНР была признана культура, поэтому данному направлению уделяется особое внимание. Упор делается на продвижение традиционной культуры страны (в то время как США, Япония, Южная Корея сосредоточены на продвижении поп-культуры). Китайские ученые и политики также связывают «мягкую силу» с брендингом. Олимпийские игры в 2008 г., Азиатские Игры в Гуанчжоу в 2010 г., Шанхай-ЭКСПО в 2010 г., строительство небоскребов, исследования Луны, – все эти мероприятия имеют символическое значение, демонстрирующие миру рост КНР [6]. Кроме того, Китай активно предлагает миру новые послы и лозунги: «китайская мечта», «Азиатско-тихоокеанский регион мечты», «Морской шелковый путь XXI века» и другие. Для конкретизации этой риторики предполагается использовать такие институты, как Новый банк развития (создан государствами-членами БРИКС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (международная организация, создание которой было инициировано Китаем) и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество [11].

Немалое значение для увеличения «мягкой силы» государства имеют инициативы общественной дипломатии. В КНР под термином общественная дипломатия нередко подразумевается «внешняя пропаганда». Никто не знает наверняка, сколько Китай тратит на различные мероприятия, но аналитики считают, что годовой бюджет «внешней пропаганды» находится в районе 10 млрд. долларов в год. Масштаб этой суммы поможет увидеть простое сравнение: Госдепартамент США потратил 666 млн. долларов на общественную дипломатию в 2014 г. Журналисты с иронией пишут, что «Пекин, использует сильнейший инструмент его «мягкой силы»: деньги» [11].

В последние годы КНР активно развивает программы, поощряющие студенческую мобильность. Китай предоставляет ежегодные гранты на обучение в вузах данной страны. При этом студентам не только оплачивается обучение, но и предоставляются ежемесячные стипендии в размере 1200–2000 юаней, в зависимости от уровня ступени обучения (200–330 долларов). Затраты Китая на поощрение студенческой мобильности составляют примерно 100 млн. долларов в год. Кроме того, Китай тратит около 25 млн. долларов в год на продвижение обучающей программы «Изучая китайский в качестве иностранного» [2, с. 110].

Власти КНР уделяют большое внимание налаживанию контактов с китайцами, проживающими за рубежом. По некоторым оценкам, доля прямых иностранных инвестиций китайских диаспор в экономику страны за период с 1979 по 2010 годы составила 60% [1, с. 18].

Еще одной стратегией увеличения «мягкой силы» Китая является субсидирование расширения присутствия СМИ за рубежом с целью слома «монополии западных СМИ». Самая видная организация – новостное агентство Синьхуа (the Xinhua News Agency). Оно таит амбиции стать современным мультимедийным конгломератом, конкурируя с News Corp, Viacom и Time Warner [11].

Характерной особенностью стратегии увеличения «мягкого влияния» КНР является активное использование ресурсной дипломатии. Данное направление нацелено на решение сразу двух задач: увеличение влияния в регионах и обеспечение страны ресурсами, необходимыми для быстрого экономического развития. Исследователи описывают данную стратегию как «всестороннюю дружескую атаку, стремление сотрудничать с развивающимся миром по всем направлениям, подчеркивая важность государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела» [1, с. 17].

Успехам КНР в конкурентной борьбе за африканские ресурсы с крупными западными компаниями способствует реализация масштабной программы

экономического сотрудничества, включающей льготное кредитование, безвозмездную помощь, щедрые инвестиции [4, с. 141]. Благоприятствовал проникновению китайских компаний на африканские сырьевые рынки «Вашингтонский консенсус» с его программами структурной адаптации и либерализации экономики, окончившимися неудачей для многих стран Африки. Бизнес Китая в сырьевой сфере Африки во многом обязан своими успехами его ключевой позиции невмешательства во внутренние дела государств, означающей готовность к сотрудничеству с любыми режимами, не обуславливая его требованиями в отношении демократии, надлежащего управления или прав человека. Кроме того, Пекин готов идти на финансовые риски, действуя в конфликтных зонах [4, с. 142].

Доступ к природным богатствам Африки помогает Китаю открыть средства дипломатии. Китайские лидеры – частые гости в странах континента. Так, председатель Ху Цзиньтао совершил шесть визитов в Африку. Министр иностранных дел КНР по традиции начинает каждый новый год с визита на континент. Одновременно такая активность Китая в отношении Африки рождает настороженность: данная экспансия вполне может иметь неокOLONиалистский характер и быть направленной на монополизацию нефтяных ресурсов Африки. И, тем не менее, плюсов от сотрудничества с КНР для африканских стран больше, чем минусов, так как глобальной спрос Китая на сырье способствует выходу Африки из кризиса.

Таким образом, можно констатировать, что концепт «мягкой силы» вызвал большой интерес в китайских академических и политических кругах. Особенности китайских реалий (неразвитость гражданского сектора) побудили правительство взять задачу увеличения «мягкой силы» под свой контроль. Это имеет свои издержки (недоверие ко многим правительственным сообщениям и пропаганде). Использование «мягкой силы» Китаем отличается от использования ее западными странами: КНР не стремится разработать философию или набор ценностей для конкуренции с

доминирующими западными государствами, хотя некоторые страны стремятся подражать его смеси свободного рынка и авторитарного контроля. Отметим также, что когда Дж. Най ввел термин «мягкая сила», он использовал более ограниченное определение, исключающее инвестиции, оказание помощи и использование формальной дипломатии как более традиционные формы воздействия. В контексте Азии Китай создал более широкую идею «мягкой силы», которая подразумевает все области, не относящиеся к сфере безопасности, в том числе, инвестиции и помощь.

Список литературы

1. Ким В.С., Бохан Я.А. Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. – 2012. – Вып. 12. – С. 17–20.
2. Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014 – Т. 9 – № 2. – С. 95–129.
3. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – Т.14. – С. 5–22.
4. Дейч Т.Л. Китай в борьбе за африканские сырьевые ресурсы // Ось мировой политики XXI в. обострение борьбы за ресурсы в Азии и Африке. – 2012. – С. 130–147.
5. Цзайци Лю «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. – 2009. – № 4, – С. 149–155.
6. Korea's soft power and East Asia – Stenogramma of the conference // The Brookings Institution. – URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2010/11/30%20korea%20soft%20power/20101130_korea_soft_power.pdf (дата обращения 26.04.2014).

7. Lee G. The Clash of Soft Powers Between China and Japan: Synergy and Dilemmas at the Six-party Talks // Asian Perspectives. – 2010. – №34 (2). – P. 113–138.
8. Li M. Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics // URL: http://aleria.info/temp/hti5m03jtj_8559.pdf (дата обращения 02.02.2013).
9. Putman R. D. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-level Games // International Organization. – 1998. – №42 (3). – P. 427–460.
10. Scholars and Media on China's Cultural Soft Power // Wilson center. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/scholars-and-media-chinas-cultural-soft-power> (дата обращения 07.02.2017).
11. Shambaugh D. China's Soft-Power Push // Foreign Affairs. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push> (дата обращения 07.02.2017).